

ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ БЕСЕДЕ НА ТЕМУ ЭТНИЧНОСТИ И ИДЕНТИЧНОСТИ

Б. Муратбаева

Университет Мартина Лютера Галле-Виттенберг, г. Галле, Германия
b.muratbayeva@icloud.com

Аннотация

В данной статье представлен взгляд на этничность с точки зрения некоторых важных социологических и социально-антропологических теорий и на основе эмпирических данных. Одна из этих теорий — это теория этничности Фредерика Барта. Повседневное жизненное общение и практики социального взаимодействия являются предметами изучения этнометодологии Гарольда Гарфинкеля, важной темой оно является и в диалогической теории Михаила Бахтина. В моем изучении этничности эти подходы, так как именно в них общению уделяется первостепенная роль, являются центральными и отражаются также и в методе исследования - методе *конверсационного анализа*. На двух эмпирических примерах из сельской больницы Казахстана показаны речевые жанры, в которых этническая категория становится неотъемлемой частью действия и важным средством общения. К этнической категории собеседники прибегают в этом случае для того, чтобы уточнить личность человека, о котором зашел разговор. В таких моментах социального взаимодействия этничность важна для собеседников не в смысле коллективной групповой идентичности, которая разделяет людей на группы, прикрывая личность человека, но в качестве сведений, необходимых для распознавания и выяснения конкретной личности. Речь идет не о семейных, дружеских или других близких отношениях, в которых этническая разница либо давно забыта, либо вообще не имела значения, но об отношениях, где собеседники не владеют в достаточной мере информацией друг о друге. В этом смысле этнические категории можно в какой-то мере сравнить с именем человека. Автор считает, что использование этнических категорий в повседневном языке говорит о сходстве людей, об их общих речевых практиках, в которых зачастую преобладает стереотипичное знание, об их общей социализации, среде общения, мировоззрении, сложившемся в начале формирования (мультинационального) советского государства.

Ключевые слова: этничность, диалог, диалогический подход, конверсационный анализ, Казахстан

ЭТНИКАЛЫҚ ЖӘНЕ СӘЙКЕСТІЛІК ТАҚЫРЫБЫНДАҒЫ БІЛІМ БЕРУ ӘНГІМЕСІНДЕГІ ДИАЛОГТІК ТӘСІЛ

Б. Муратбаева

Галле-Виттенбергтегі Мартин Лютер университеті, Галле қ., Германия
b.muratbayeva@icloud.com

Бұл мақалада этникалық көзқарастар кейбір маңызды әлеуметтанулық және әлеуметтік-антропологиялық теориялар тұрғысынан және эмпирикалық дәлелдер негізінде ұсынылған. Осы теориялардың бірі — Фредерик Барттың этникалық теориясы. Күнделікті өмірлік қарым-қатынас және әлеуметтік өзара әрекеттесу практикасы Гарольд Гарфинкельдің этнометодологиясын зерттеу пәндері болып табылады, бұл Михаил Бахтиннің диалогтік теориясында да маңызды тақырып болып табылады. Менің этносты зерттеуімде бұл тәсілдер, өйткені оларда қарым - қатынас бірінші кезектегі рөлге ие, орталық болып табылады және зерттеу әдісінде-конверсиялық талдау әдісінде де көрінеді. Қазақстанның ауылдық ауруханасынан алынған екі эмпирикалық мысалда этникалық категория іс-әрекеттің ажырамас бөлігіне және қарым-қатынастың маңызды құралына айналатын сөйлеу жанрлары көрсетілген. Бұл жағдайда әңгімелесушілер әңгіме қозғалған адамның жеке басын нақтылау үшін этникалық категорияға жүгінеді. Әлеуметтік өзара әрекеттесудің осындай сәттерінде этникалық қарым-қатынас сұхбаттасушылар үшін адамдарды топтарға бөлетін, адамның жеке басын қамтитын ұжымдық топтық сәйкестілік мағынасында емес, белгілі бір тұлғаны тану және нақтылау үшін қажетті ақпарат ретінде маңызды. Бұл этникалық айырмашылық әлдеқашан ұмытылған немесе мүлдем маңызды емес отбасылық, достық немесе басқа жақын қарым-қатынастар туралы емес, бірақ әңгімелесушілер бір-

бірінен жеткілікті ақпарат ала алмайтын қатынастар туралы. Бұл тұрғыда этникалық категорияларды белгілі бір дәрежеде адамның атымен салыстыруға болады. Автор этникалық категорияларды күнделікті тілде қолдану адамдардың ұқсастығы, олардың стереотиптік білім басым болатын жалпы сөйлеу тәжірибелері, олардың жалпы әлеуметтенуі, қарым-қатынас ортасы, (көпұлтты) Кеңес мемлекетінің қалыптасуының басында қалыптасқан дүниетаным туралы айтады деп санайды.

Түйін сөздер: этностық, диалог, диалогтік тәсіл, конверсиялық талдау, Қазақстан

A DIALOGICAL APPROACH IN AN EDUCATIONAL CONVERSATION ON THE TOPIC OF ETHNICITY AND IDENTITY

Bakyt Muratbayeva

Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Halle (Saale), Germany
b.muratbayeva@icloud.com

This article presents a look at ethnicity from the point of view of some important sociological and socio-anthropological theories and based on empirical data. One of these theories is Frederick Barth's theory of ethnicity. Everyday life communication and the practice of social interaction are the subjects of the study of ethnomethodology by Harold Garfinkel, and it is an important topic in the dialogic theory of Mikhail Bakhtin. In my study of ethnicity, these approaches, since it is in them that communication is given a primary role, are central and are also reflected in the research method - the method of conversational analysis. Two empirical examples from a rural hospital in Kazakhstan show speech genres in which the ethnic category becomes an integral part of the action and an important means of communication. In this case, the interlocutors resort to the ethnic category in order to clarify the identity of the person they are talking about. In such moments of social interaction, ethnicity is important for interlocutors not in the sense of collective group identity, which divides people into groups, covering up a person's personality, but as information necessary for recognizing and clarifying a specific personality. We are not talking about family, friendship or other close relationships in which the ethnic difference has either long been forgotten or did not matter at all, but about relationships where the interlocutors do not have sufficient information about each other. In this sense, ethnic categories can be compared to a certain extent with the name of a person. The author believes that the use of ethnic categories in everyday language speaks about the similarity of people, about their common speech practices, which are often dominated by stereotypical knowledge, about their common socialization, communication environment, worldview that developed at the beginning of the formation of the (multinational) Soviet state.

Key words: ethnicity, dialogue, dialogic approach, conversational analysis, Kazakhstan

*«Быть – значит общаться диалогически.
Когда диалог кончается, всё кончается»
М.М. Бахтин
«Проблемы поэтики Достоевского»(1963)*

Введение

В данной статье я хочу предложить диалогический подход в рассуждениях об этничности. И не только потому, что изучаю феномен этничности в рамках жизненного диалогического общения (Бахтин 1993; 1996), но и так как в рассуждениях об этничности настаиваю на диалогическом общении, в котором царил бы диалогическая форма общения и диалогический язык, учитывающий социальные изменения¹ и мнение другого человека. Конечно, речь идет о мнениях, которые обоснованы и опираются на знания об этничности, а также и на знания о социальном мире в общем. Диалогический подход можно было бы применить в образовательной беседе в высших учебных заведениях, в рамках предметов социологии, философии, истории или политологии. Важный

¹ В этом аргументе я ссылаюсь на Бахтина. Для него «слово чуткий показатель социальных изменений» (Бахтин 1993, 23). Но это высказывание не относится к авторитарной форме общения и авторитарному языку, не чуткому и не способному заметить и принять даже малейшие изменения в обществе.

аргумент статьи – это мое наблюдение о том, что в Казахстане в общественных, политических и образовательных дискуссиях знания об этнической принадлежности нередко исходят из очень ограниченного кругозора.

Зачастую этот недостаток мешает развитию квалифицированной и конструктивной беседы по этому вопросу, а разногласия во мнениях нередко приводят к спорам и прекращению общения. В повседневном бытовом мире недостаток знаний об этничности может иметь и более серьезные последствия, чем непосредственное прекращение беседы между говорящими. Именно по этой причине этой теме необходимо уделить внимание, чему и послужит данная статья.

В общественной политической, а также повседневной жизни казахстанцев концепция этничности тесно связана с групповой идентичностью, которая «естественно дана» индивидуальной личности с рождения². Таким образом, ее можно сравнить с полом человека. Ведь его также рассматривали на протяжении долгого времени и (до сих пор рассматривают) «естественно данным», а значит не являющимся социальным феноменом, в основе которого лежит определенная социальная перспектива. В подобную концепцию этничности заложен принцип «естественной классификации» людей, по которому их, подобно растениям или животным, можно разделить по определенным категориям или их принадлежности к коллективам, т. е. этносам или народностям (Шлее 2006)³.

В повседневном общении на бытовом уровне, а также и в рамках общественных и политических дискуссий в Казахстане этот принцип рассматривается чем-то самим собой разумеющимся, в реальности которого сомневаются лишь немногие. Ведь на него опирается мировоззрение, сложившееся и укоренившееся у людей десятилетиями и на всем постсоветском пространстве (Hirsch 2005⁴). В этом сложившемся мировоззрении казахстанское общество предстает как общество, раздробленное на более чем 130 этнически и культурно различных групп. Этничность представляется самоочевидной реальностью и важным аспектом гражданства, ввиду чего быть просто казахстанцем и при этом не иметь четкую этническую принадлежность считается чем-то из рода вон выходящим. Соответственно, можно утверждать, что этническая принадлежность при таких обстоятельствах стала неизбежной общественной необходимостью каждого.

Вполне возможно, что это укоренившееся мировоззрение и наличие авторитарного и монологического, а не диалогического языка общения в данном культурном пространстве обуславливает то, что в этой области отсутствует взгляд на этничность со стороны, а также не замечаются люди, для которых иметь четкую этническую принадлежность просто невозможно. Не развиваются альтернативные взгляды, в которых этничность рассматривалась бы чем-то малозначимым и поверхностным, чем она и является. Зачастую это приводит к тому, что царят мнения, предрассудки, стереотипы, которые могут препятствовать взаимопониманию между людьми. Их наличие нередко может мешать развитию доверительных отношений в профессиональной или семейной жизни. И несмотря на то, что в Казахстане зачастую речь идет о так называемых «этнических остатках», которые присутствуют в документах или статистических данных, а не о действительно ощутимой этнической разнице, распространено множество так называемых бытовых теорий. В них таким, якобы «объективным» факторам, как «кровь» (Шлее 2006, 83) или «фенотип», придается огромное значение, а социализация и среда общения, напротив, не рассматривается вовсе. Нередко такие бытовые или повседневные теории содержат расистские или националистические идеи. Поэтому даже если они и называются бытовыми или повседневными, теории такого рода могут иметь серьезные последствия в социальной жизни человека. Ведь они пронизывают его

² Взгляд на этничность, в котором этничность рассматривается «естественно-данной», а не подвергаемой социальным процессам, называется примордиалистским (Geertz 1996, 41).

³ Не учитывается в подобном взгляде то, что люди – социальные существа. Как таковые, они живут и действуют в созданном ими же самими социальном мире. Из этого следует, что деление людей на категории основывается на толковании и понимании социального мира, в которое заложено социальное взаимодействие (Бахтин 1993; 1996; Schütz / Luckmann 2003; Garfinkel 1967).

⁴ С исторической точки зрения Хирша (2005), в бюрократической системе СССР концепция этничности служила своего рода политическим инструментом, который применялся в создании многонационального советского государства, в установлении его внутренних и внешних границ (Hirsch 2005, 145).

повседневную жизнь, вызывают не только скоротечные и, казалось бы, незначительные раздражения⁵, но могут способствовать расколу даже очень близких отношений⁶.

В данной статье я представлю взгляд на этничность с точки зрения некоторых важных социальных и социально-антропологических теорий и на основе эмпирических данных. Одна из этих теорий — это теория этничности Фредерика Барта. По его словам, этнические различия не являются естественно данными, но формируются в процессе социального взаимодействия (Barth 1969). В конце шестидесятых годов он оспаривал распространенное положение того времени, что возникновение (этнических) сообществ происходило в географической и социальной изоляции друг от друга, т. е. без какого-либо контакта и взаимодействия с «этническими другими». На основании своего исследования и исследования коллег он утверждал обратное, а именно, что не отсутствие мобильности, контактов и взаимодействия приводит к возникновению и смещению границ между этническими сообществами, а совсем наоборот, наличие мобильности, контактов и взаимодействия (Барт 1969, 10). Здесь же Барт затрагивает вопрос о связи между культурой и этничностью. По его мнению, этнические группы не обладают своей собственной культурой и невозможно этничность считать аналогом культуры⁷. Ведь условием для образования и исчезновения этнических границ является социальное взаимодействие, а значит совместная культурная среда общения. Данное положение означает следующее: несмотря на кажущиеся различия, этнические группы обладают общими культурными корнями и общим культурным знанием, что противоречит бытовому и поверхностному взгляду на этничность.

Несмотря на то, что Барт предоставляет основополагающие тезисы об этничности, а именно об изменчивой природе этничности и о единой культурной среде, в которой возникают и исчезают этнические различия, его теоретический взгляд и методологический подход, тем не менее, не уловили нюансы повседневного бытового мира, в котором формируются этнические различия. Таким образом, вопрос о том, как этничность формируется в повседневном жизненном общении, в каком виде она возникает и какое значение она занимает, остается не в полной мере охваченным. Повседневное жизненное общение и практики социального взаимодействия являются предметами изучения этнометодологии Гарольда Гарфинкеля (1967). Оно также является важной темой в диалогической теории Михаила Бахтина⁸. В моем изучении этничности эти подходы, так как именно в них общению уделяется первостепенная роль, являются центральными⁹ и отражаются также и в методе исследования, т. е. методе *конверсационного анализа*. О нем и о том, какую функциональную роль этничность, в виде лингвистического ресурса, выполняет в жизненном общении (Бахтин 1993, 23), речь пойдет в эмпирической части статьи. В ней на двух эмпирических примерах из сельской больницы Казахстана я покажу речевые жанры, в которых этническая категория становится неотъемлемой частью действия и важным средством общения. Подразумеваются моменты общения, когда тема разговора заходит о человеке, который не

⁵ Подразумеваются ситуации, когда совершенно посторонние или даже близкие люди упрекают в незнании «родного» языка. В таких, для многих неприятных ситуациях, которые окружают казахстанцев, к сожалению, повсеместно, не имеет смысла пытаться убедить человека в бессмысленности подобных утверждений. Ведь сложно доказать незнающему и незаинтересованному человеку, что не знать «свой родной» язык, так как человек неотъемлемая часть своей языковой среды (Бахтин 1993, 76; Бахтин 1996, 168), невозможно, а так называемого «родного и естественно данного» языка просто не существует.

Подобный аргумент можно применить также и к данности «фенотипа». Ведь вопрос о том, какие свойства человека являются фенотипичными, а какие нет и какого значения фенотипа в социальной жизни, в общем зависит от перспективы и толкования, сложившихся в определенной социальной среде. Помимо этого, фенотип зачастую и не является признаком, говорящим о принадлежности индивида к коллективу.

⁶ Речь идет о случаях, когда этническая принадлежность становится яблоком раздора в семейных отношениях.

⁷ Похожий аргумент присутствует также и у Вебера (1921/1980).

⁸ Судьба Михаила Бахтина тесно связана с судьбой многих людей в Казахстане, прибывших сюда в середине 30-х гг. в ходе сталинского террора. Например, и семья моей бабушки, члены которой прибыли в Казахстан (Алма-Ату) из Башкирии в конце тридцатых годов, незадолго после того, как отца семьи объявили врагом народа и отправили в Карлаг.

⁹ К сожалению, из-за формата статьи не могу полностью охватить и представить этнометодологию Гарольда Гарфинкеля и диалогическую теорию Михаила Бахтина.

присутствует в беседе. К этнической категории собеседники прибегают в этом случае для того, чтобы уточнить личность человека, о котором зашел разговор. Таким образом, в таких моментах социального взаимодействия этничность важна для собеседников не в смысле коллективной групповой идентичности, которая разделяет людей на абстрактные группы, прикрывая личность человека, но в качестве сведений, необходимых для распознавания и выяснения конкретной личности. Важно отметить, что такое уточнение в ходе разговора происходит, как правило, в рамках социальных отношений, которым свойственен высокий уровень абстрактности, анонимности и чуждости (Schütz / Luckmann 2003, 119). А значит речь идет не о семейных, дружеских или других близких отношениях, в которых этническая разница либо давно забыта, либо вообще не играла никакого значения, но об отношениях, где собеседники не владеют в достаточной мере информацией друг о друге, например, не близкие профессиональные отношения. В этом этнические категории можно в какой-то мере сравнить с именем человека. Например, в разговоре к нему собеседники прибегают обычно в тех случаях, когда они недостаточно знают друг друга и не могут узнать друг друга по голосу (Schegloff 1979, 39).

Материалы и методы

Теоретический фон

Прежде чем перейти к теории Барта, рассмотрим основополагающую социологическую концепцию Макса Вебера. Ведь именно она сыграла важную роль в социологическом понимании этничности (1921/1980). По его словам, этнические сходства и различия не существуют «объективно», так как речь идет о сходствах и различиях, в которые действующие субъекты только верят (Weber 1980, 237). Хотя Вебер и употребляет понятие группы в определении этничности, она все-таки является для него не группой, но сходством (*Gemeinsamkeit*), в основе которой лежит субъективная вера. В связи с ней могут, но не обязательно должны, возникать коллективные идентичности, которые могут способствовать развитию коллективного действия (т.е. действие организованных индивидов, в основе которых лежат индивидуальные мотивы).

Этого взгляда на этничность придерживается и уже упомянутый антрополог Фредрик Барт (1969), объектом изучения которого являются групповые отношения и, в частности, процессы формирования групп и групповой идентичности. По Барту, этничность или групповая идентичность (Barth 1969, 13) не остается неизменной, но подвержена социальным изменениям. Существующая идентичность может претерпевать изменения, а это подразумевает перемещение этнических границ (Barth 1969, 22). Барт, а также и его коллеги изучают изменения в этничности, наблюдая за изменениями идентичности у разных поколений и при этом особо не учитывая их среду общения. Тем не менее, Барт уделяет внимание процессу идентификации, но не в смысле определения личности человека для хода разговора, но как процесс, в котором актеры приписывают друг другу этническую принадлежность, опираясь на определенные групповые символы или маркеры (Schlee 2006, 74). Концепция об этнических маркерах является одной из важнейших в изучении этничности, ведь именно на эти, казалось бы, незначительные вещи, нацелены так называемые бытовые теории об этнической разнице.

Следующий взгляд на этничность вытекает из социологического подхода Роджера Брубэйкера. Его важным замечанием является то, что в исследовании этничности преобладает тенденция, называемая «группизмом» (2009). Она заключается в том, что этничность, например у вышеупомянутого Барта, воспринимается как группа, члены которой действуют, руководствуясь одним и тем же этническим мотивом. Брубэйкер аргументирует следующим образом:

«Организованные и солидарные группы являются одной из важных форм этничности (и социальной организации в целом), но это только одна из (возможных) форм» (Brubaker 2009, 30 – перевод автора). С его точки зрения, этничность, а также и раса или национальность — это не организованные группы и не какие-то предметы в мире, а определенное сложившееся видение мира (Brubaker *ibid.*, 32.). Оно возникает и может быть опровергнуто в определенных ситуациях повседневности, и поэтому, в свою очередь, в изучении этничности он предлагает использовать этнометодологический подход и разговорный анализ, в которых основными единицами исследования являются повседневные ситуации и практики, а не организованные группы или

индивидуальные лица. Такой подход в изучении этничности, а именно то, как этничность «производится» в определенных ситуациях повседневного бытового мира, использовал антрополог Майкл Мерман (1968).

Метод анализа и эмпирический пример

Этнометодологическая перспектива легла в основу конверсационного анализа (далее - КА). Метод КА был разработан такими социологами, как Харвей Сакс, Эмануил Щеглов и Гейл Джефферсон в начале 60-х годов в рамках проекта под руководством Гарольда Гарфинкеля по предотвращению суицида. Поэтому основными и первоначальными данными проекта служили в то время телефонные разговоры в центре по предотвращению суицида (Sidnell 2015, 6, 11).

Основная цель конверсационного анализа заключается в изучении и описании методов, которые действующие лица используют в процессе изобретения социальной жизни (“to describe methods persons use in doing social life”) (Sacks 1984, 22). Основные вопросы конверсационного анализа: Почему это сейчас? (“Why that now?”) и Каков следующий шаг? (“What to do next?”). Эти вопросы тесно связаны с методологической максимой КА, согласно которой общественный и социальный порядок находится везде (“order at all points” Bergmann 1985, 53), а значит присутствует и создается последовательно (секвенциально) и коммуникативно в любом речевом ходе, в любой секвенции или действии.

Важное понятие КА – это понятие «дисплей» (“display” Birkner et al. 2020, 18). Под ним подразумевается следующее: в процессе взаимодействия действующие лица отражают друг другу то, как они понимают смысл предыдущих слов, фраз и / или речевых ходов и то, для чего они предназначены. В соответствии с этим формируются их последующие действия. Таким образом, подобно теории Бахтина, а значит в непрерывном речевом общении или непрерывном взаимодействии друг с другом, создается и утверждается, опровергается и вновь создается общественный социальный порядок.

Значение взаимодействия для человеческой социальности подчеркивает Эмануил Шеглов. Для него социальное взаимодействие – «это первичное, фундаментальное воплощение социальности...» (Schegloff 2006, 70 – перевод автора). Общества, по мнению конверсационного аналитика, могут проходить массивные преобразования, связанные с трансформацией макроструктур - экономики, государства и социальной организации, но то, что остается нетронутым – это структура социального взаимодействия (Schegloff 2007, xiii), то есть определенные правила и принципы, которые не меняются в зависимости от временного или культурного контекста.

Для проведения конверсационного анализа необходимо иметь специальные данные. Их называют «консервами» (Bergmann 1985, 43), так как в них сохранена или «законсервирована» первоначальная последовательная структура взаимодействия. Т. е. они не были созданы исследователями в целях сбора информации для проведения исследования (такие, например, как интервью), но существуют в жизни акторов, являясь для них естественным контекстом, а не привнесенным как бы извне (Meuer 2009). Такие данные обеспечивают прямой (а не опосредованный) подход к изучению того, как формируются социальные значения и социальный смысл в самых различных и конкретных ситуативных контекстах (Meuer 2009, 93). В одном из интервью журналу «The Guardian» исследователь Стокоу назвала такие данные выражением „talk in the wild“. В своей книги “Talk. The science of conversation“ она подчеркивает особое значение такого разговора для социальной жизни:

«Разговор, как явление социальной жизни, существует только для того, чтобы быть понятным. Он создан людьми для людей, чтобы они могли реализовать все аспекты жизни. Мы строим, поддерживаем и завершаем наши личные и профессиональные отношения с помощью разговоров. Мы покупаем и продаем. Мы получаем и оказываем помощь. Мы радуемся, убеждаем, выражаем раздражение, смущение и утешение в ответ на то, что говорят нам другие. Речь — это инструмент, с помощью которого мы делаем все эти вещи» (Stokoe 2018, 1 – перевод автора).

Результаты

Этничность изучалась мной в рамках разговора, как определенная лингвистическая категория, с помощью которой могут реализовываться самые различные действия в рамках

социального взаимодействия. Этнические категории – абстрактны и индексикальны¹⁰. В них могут быть заложены самые различные значения, поэтому они могут выполнять самые различные речевые функции, которые позволяют собеседникам реализовывать самые различные действия. Подобно Стокоу (2012), я изучала этнические категории в действии, а значит в определенных секвенциях, например в таких, когда речь заходит о другом, не присутствующим в беседе, человеке. Такими секвенциями взаимодействия могут быть, например, сплетни (Naviland 1977; Bergmann 1987), жалобы (Günthner 2000) или просто сообщения, когда собеседники передают друг другу слова другого человека. При этом, в таких случаях говорящие довольно часто используют прямую речь (Бахтин 1993, 125; Goodwin 1990; Günthner 2000; 2002). В подобных моментах взаимодействия перед собеседниками стоит задача, определить личность человека, о котором зашел разговор. Несмотря на то, что в разговоре такие моменты мимолетны, и собеседники, вовлеченные в разговор, их даже не замечают, в антропологической литературе этой коммуникативной проблеме уделяют важное внимание. Ведь другие люди – неотъемлемая часть повседневного общения и поэтому с этой проблемой сталкиваются собеседники всего мира, используя в ее решении самые различные коммуникативные универсальные и культурно специфические ресурсы (Stivers / Enfield / Levinson 2007, 19). На следующих примерах в рамках беседы во время пятиминутки в одной из сельских больниц Казахстана я продемонстрирую, к каким средствам общения прибегают собеседники при упоминании людей, чьи слова важны в работе сельской больницы.

Первая лингвистическая категория – это профессиональная категория. С одной стороны, она заменяет имя¹¹, с другой стороны категория «хирург» имеет тематическое значение в эпизоде («хирург» приезжает в поселок для осмотра населения) (Schegloff 2007, 438) и поэтому применяется именно она, а не какое-либо другое средство общения.

«Хирург»

- 1 МА гаухар кайратов↑НА?
2 (0.5)
3 кеше кешкісін сіздер кетіп ҚАЛғанда;
4 =хиРУРГ звандады;
5 (0.9)
6 машина таңертең бара беРЕді
7 =өзіміз екіден басТАЙмыз;
8 =приемҒА населениеҒЕ сейтіп айтыңыздар деді;
9 (0.5)
10 ГК А хорошо

Итак, что же происходит в эпизоде? В первой строке МА обращается к ведущей пятиминутки, называя ее по имени и отчеству, а значит привычным для данного культурного

¹⁰ Это этнометодологическое понятие относится к повседневному языку, а именно, что выражения повседневного языка являются индексикальными. Смысл слов и выражений не постоянен, но изменчив. Он не существует объективно, а возникает в процессе взаимопонимания и взаимодействия (Bergmann / Meyer 2021, 45). Выражения повседневного языка приобретают свой смысл только в контексте использования. А значит исследователь в их толковании должен учитывать ситуативный контекст.

¹¹ Sacks / Schegloff (1979), а также и Goodenough рассматривают имя одним из важных ресурсов идентификации (Sacks / Schegloff 1979, 24; Goodenough 1965, 271).

контекста образом. Дождавшись внимания ведущей пятиминутки, т. е. ее взгляда¹², говорящая в третьей строке сначала дает краткое описание предыдущего дня. А именно того, что произошло, когда ведущая пятиминутки ушла. Важно в этой строке сообщить об ее отсутствии. Так как таким образом говорящая настраивает ее на следующий шаг. Она дает ей понять, что информация, которой владеет МА, является новостью для нее (ведущий пятиминутки), о которой она еще не знает и поэтому должна быть обговорена. Это свойственная сообщениям черта присутствует и в других языковых и культурных контекстах, она хорошо описана в литературе (например, у Levinson 1983, 350). В четвертой строке описывается событие прошедшего дня «=**хиРУРГ звандады**;». Эта, казалось бы, простая фраза, имеет как минимум две смысловые направленности. С одной стороны, она говорит о прошедшем дне, с другой стороны, она направлена на текущий день, так как имеет важное значение для организации текущего дня. Само сообщение, в котором путем прямой речи передаются слова «хирурга», находится с шестой строки по восьмую. В последней строке ведущая пятиминутки как бы принимает сообщение («**А хорошо**»). В данном эпизоде, несмотря на то, что собеседники не располагают именем, уточнение личности человека, чьи слова важны в организации рабочего дня сельской больницы, проходит без особых проблем.

На следующем примере я покажу, что в подобных случаях возникают проблемы и это именно те случаи, когда собеседники прибегают к этническим категориям как к определенной дополнительной информации. Связаны такие проблемы с тем, что говорящие не в состоянии вовремя вспомнить имя человека, важного для хода разговора. В таких случаях возникает проблема, которая называется в литературе «поиск слова» (Sidnell 2015, 110). Так как говорящие в ходе общения то и дело забывают имена, эта проблема зачастую возникает в связи с именами. Давайте понаблюдаем, как это проявляется и посредством каких лингвистических средств проблема забывчивости и «поиска слова» разрешается в культурном контексте Казахстана. Пример опять же из сельской больницы.

«Степанченко»

- 1 МЮ -> °h потом выступала вот эта: =русская ЖЕНщина=-
 2 =я к ней один раз ходила по маммографИи;
 3 которая за профосМОТР по-моему вызывала =отвечает;
 4 -> [стеПАНченко];
 5 БС [за онкоЛОгию];
 6 МЮ =<<p>[ТАМ в кабинете]>;
 7 ГК -> <<f>[степанчен]ко ↑↑МА?>
 8 МЮ <<f>↑!ДА! вот эта >;

В первой строке сотрудница сельской больницы затевает разговор о прошедшем собрании. На нем выступала коллега, чье имя она в момент упоминания не смогла вспомнить. Поскольку оно ей недоступно, говорящая прибегает к альтернативным способам. Она как будто показывает на отсутствующую коллегу, применяя частицу «вот» и комбинируя ее с указательным местоимением «эта». После этого она немного колеблется. Ее колебания проявляются в растяжении последней гласной в слове «эта». Затем следует выражение, которое привычным образом ассоциируется с этничностью и полом: «русская женщина». Оно заменяет имя, а также и функцию имени, а значит, с помощью него собеседница уточняет, какого конкретного человека она имеет в виду. В следующих двух строках собеседница предоставляет информацию, которая также идентифицирует коллегу («=**я к ней один раз ходила по маммографИи**;» и «**которая за профосМОТР по-моему**

вызывала =отвечает ;»). В четвертой строке она вспоминает имя, но, так как в этот же момент в ход разговора вступает другая коллега, оно остается не услышанным. В шестой строке говорящая продолжает уточнять, о ком она говорит. В седьмой строке в разговор подключается еще одна коллега. В свою очередь она задает вопрос, называя имя коллеги. В восьмой строке с ней соглашается МЮ, после чего она переходит к словам, сказанным коллегой, выступавшей на собрании.

Обсуждение

Важно отметить, что этническая категория в данном примере предназначена только для того, чтобы уточнить личность человека. Она не связана с коллективной идентичностью упомянутой личности и в момент разговора говорящие не заинтересованы в выяснении этого вопроса. В моих данных именно в таких моментах разговора, как правило, появляются этнические категории и, как правило, не только они одни, но и другая информация, помогающая собеседникам выяснить личность человека, о котором зашла речь. Такие данные, таким образом, показывают, что этничность важна только для определенных моментов речевого взаимодействия. Она не занимает общение целиком и не обязательно должна быть связана с коллективной идентичностью, т. е. когда социальные актеры вступают в социальное взаимодействие в качестве представителей определенных групп, а не конкретной личности¹³. Наличие подобного рода уточнения, т.е., когда собеседники прибегают к этническим категориям, присутствует, как правило, в тех случаях, когда речь идет об отсутствующем, а не присутствующем человеке. Оно говорит о том, что те, кто говорит и те, о ком говорят, друг друга недостаточно хорошо знают. Таким образом, этничность становится средством, помогающим справиться с неизвестностью и анонимностью другого.

В письменных жанрах можно тоже обнаружить такого рода уточнение, но только не в дружеской переписке, которая не нуждается в уточнении личности того, кто пишет. Например, в переписке между Чоканом Валихановым и Федором Достоевским, за исключением имен в конце письма, отсутствует дополнительная уточняющая информация о писце. Ведь оба находятся в тесных дружественных отношениях. Они хорошо знают друг друга и сегодня в телефонном разговоре сразу бы узнали друг друга по голосу, не нуждаясь в представлении по имени. Об этих теплых дружественных отношениях свидетельствуют их письма. Приведу в пример некоторые строки из письма Достоевского Чокану Валиханову, от 14 декабря 1856 г., Семипалатинск: «Письмо ваше, добрый друг мой, передал мне Александр Николаевич. Вы пишете мне, что меня любите. А я вам объявляю без церемоний, что я в вас влюбился.» и далее в письме «Дорогой мой друг, милый Чокан, я пишу вам загадки. Не старайтесь их разгадывать, но пожелайте мне успеха» (Валиханов 2010, 176). И из письма Валиханова Достоевскому, от 18 июня 1859 г.: «Любезный друг, Федор Михайлович! Я обещал тебе писать из Казани, но вследствие разных причин, главнейшим образом вследствие лени, пишу из Сибири, из Петропавловска, куда приехал вчера вечером и где буду ожидать генерал-губернатора» (Валиханов 2010, 143). В других письмах более формального характера и в рамках профессиональных отношений, где присутствует достаточно высокий уровень чуждости и анонимности, Валиханов, возможно исходя из того, что собеседник его не сразу узнает, ссылается на этничность в качестве дополнительной информации о себе. Например, из письма Бекетову от 2 января 1862 г.: «Многоуважаемому профессору свидетельствует свое почтение киргиз-кайсак Валиханов из Средней Орды и просит прощения за неаккуратность в переписке...» (Валиханов 2010, 145).

Заключение

На основе некоторых классических теорий и эмпирических данных я представила взгляд на феномен этничности. Он отличается от повседневных бытовых теорий, в которых этничность зачастую выступает в роли естественно данного принципа классификации людей на определенные этносы (Шлее 2006). Социолог Макс Вебер понимает этничность как субъективную веру, которая может привести к совместному коллективному действию. Антрополог Фредрик Барт (1969) изучает этничность в качестве коллективной идентичности. Из поколения в поколение она не остается неизменной, но подлечит социальным

¹³ Например, в ходе различных общественных народных празднеств (Наурыз, День Независимости и т. д.).

изменениям и меняется. Ведь люди социальные и мобильные существа, зачастую строят отношения вне зависимости от этнической принадлежности. Барту принадлежит также и важный аргумент о том, что этничность не является культурой и что не культурные различия, а культурное сходство и общая культурная среда служат основой, на которой возникают этнические границы. Социолог Роджерс Брубэйкер формулирует аргумент о том, что брать за единицу анализа группу, члены которой обладают этнической идентичностью – методологически неправильно. Ведь (этническая) идентичность изменчива. Она зависит от разновидностей социальных ситуаций повседневного взаимодействия. Как правило, она является результатом, а не исходным условием действия. В изучении этничности он предлагает этнометодологический подход и разговорный анализ, где в повседневных ситуациях, не созданных для исследовательской цели, исследователь наблюдает, как «производится» этничность, в каких определенных моментах социального взаимодействия и для какой цели.

Мои данные из сельской больницы Казахстана указывают на то, что этнические категории важны для идентификации и выяснения личности человека, о которой зашла речь и которую собеседники недостаточно хорошо знают. Это не единственные моменты социального взаимодействия, когда собеседники прибегают к этнической категории. Но тем не менее они важны, так как показывают значимость этничности в моменты социального взаимодействия, когда собеседники вовлечены в работу и тема разговора совсем не касается вопроса этничности или идентичности. Эти моменты важны и тем, что указывают на важную проблему социального взаимодействия, а именно «поиск слова». Способы решения данной проблемы, т. е. то, что здесь применяются этнические категории, свойственно данному культурному контексту.

Есть и масса других моментов общения, в которых этнические категории также могут являться значимыми ресурсами. Как правило — это неформальное общение, в котором преобладают стереотипы. Часто в таком общении этничность выступает в качестве объяснения действиям, привычкам, навыкам или образу жизни («казахи любят проводить тои», «немцы строят добротные дома», «евреи прекрасные преподаватели», «русские частенько выпивают», «корейцы любят острое» и т.д.). Эти действия, привычки, навыки или образ жизни зачастую обосновываются принадлежностью индивидуальной личности к какой-либо группе. Личность показывается представителям того или иного абстрактного коллектива. Не замечается в таких высказываниях то, что этнические категории абстрактные лингвистические ресурсы и собирательные понятия. И поэтому невозможно, применяя их, объяснять действия, привычки, навыки или образ жизни.

Как бы то ни было, действующему в повседневном бытовом мире актору, зачастую кажется, что в выражениях подобного рода отражаются какие-то этнические различия. Они делят индивидов на категории людей. Но если посмотреть на это с социологической точки зрения, наличие подобных выражений в повседневном языке (так как, в данном культурном пространстве они в той или иной мере присуще большинству и понимаются единообразно) больше говорит о сходстве людей, об их общих речевых практиках, в которых зачастую преобладает стереотипичное знание, об их общей социализации, среде общения, мировоззрении, сложившемся в начале формирования (мультинационального) советского государства. Это мировоззрение продолжает жить, и его долговечности способствует авторитарный и монологичный язык, наличие которого также характеризует данный культурный контекст. Этот авторитарный и монологичный язык благоприятствует тому, что этничности (или национальности) Казахстана, которые по сути «соринки в глазу» то и дело подчеркиваются. Общее культурное знание, которое в Казахстане богато и тем, что в нем присутствуют сразу несколько языков – это «бревно», которое не замечается. Зачастую оно служит в целях воздвижения никому ненужных, зачастую вымышленных этнических границ, вокруг которых развиваются никому ненужные социальные конфликты.

Список литературы

Бахтин, Михаил. 1996. Собрание сочинений. Москва: Русские словари. [Bakhtin, Mikhail. 1996. *Sobranie sochinenij*. [Collected works]. Moscow: Russkie slovari] (in Russ.)

Barth, Fredrik. 1969. „Introduction.“ In *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organisation of Culture Difference*, edited by Fredrik Barth, 9-38. Long Grove: Waveland Press.

Bergmann, Jörg. 1987. *Klatsch. Zur Sozialform der diskreten Indiskretion*. Berlin: Walter de Gruyter.

Bergmann, Jörg und Meyer, Christian. 2021. „Reflexivity, Indexicality, Accountability. Zur theoretisch-programmatischen Grundlegung der Ethnomethodologie.“ In *Ethnomethodologie reloaded*. Hg. Jörg R. Bergmann und Christian Meyer, 37-53. Bielefeld: Transkript.

Brubaker, Rogers. 2009. „Ethnicity, Race, and Nationalism.“ *Annual Review of Sociology* 35: 21-42

Валиханов, Чокан. 2010. *Собрание сочинений*. Алматы: Алатау. [Valikhanov, Chokan. 2010. *Collected works*. Almaty: Alatau]. (in Russ.)

Волошинов, Валентин (М. М. Бахтин). 1993. *Марксизм и философия языка*. Москва: Лабиринт. [Voloshinov, Valentin (M. M. Bakhtin). 1993. *Marksizm i filosofiya yazyka* [Marxism and the philosophy of language]. Moscow: Labyrinth] (in Russ.)

Enfield, N. J. and Stivers, Tanja. 2007. *Person reference in interaction. Linguistic, cultural, and social perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press.

Garfinkel, Harold. 1967. *Studies in Ethnomethodology*. Engelwood Cliffs: Prentice-Hall.

Geertz, Clifford. 1996. „Primordial Ties.“ In *Ethnicity*, edited by John Hutchinson & Anthony D. Smith, 40-45. Oxford: Oxford University Press.

Goodenough, Ward. 1965. „Personal Names and Modes of Address in Two Oceanic Societies.“ In *Context and Meaning in Cultural Anthropology*, edited by Melford E. Spiro, 265-277. New York: The Free Press.

Goodwin, Marjorie H. 1990. *He-Said-She-Said. Talk as Social Organisation among Black Children*. Bloomington: Indiana University Press.

Günthner, Susanne. 2000. *Vorwurfsaktivitäten in der Alltagsinteraktion. Grammatische, prosodische, rhetorisch-stilistische und interaktive Verfahren bei der Konstitution kommunikativer Muster und Gattungen*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag

Günthner, Susanne. 2002. „Stimmenvielfalt im Diskurs: Formen der Stilisierung und Ästhetisierung in der Redewiedergabe“ In *Gesprächsforschung – Onlinezeitschrift zur verbalen Interaktion* (ISSN 1617 - 1837). Ausgabe 3 (2002). Seite 59-80.

Haviland, John B.. 1977. *Gossip, Reputation, and Knowledge in Zinacantan*. Chicago: The University of Chicago Press.

Hirsch, Francine. 2005. *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. New York: Cornell University Press.

Meyer, Christian. 2009. „Ereignisethnographie und methodologischer Situationalismus: Auswege aus der Krise der ethnographischen Repräsentation?“ In *Feldforschung. Ethnologische Zugänge zu sozialen Wirklichkeiten*, Hg. Berger et al., 401-436. Weißensee Verlag: Berlin.

Moerman, Michael. 1968. „Accomplishing Ethnicity.“ In *Ethnomethodology. Selected readings*, edited by Roy Turner, 54-68. Harmondsworth: Penguin.

Sacks, Harvey and Schegloff, Emanuel. (1979) 2007. „Two preferences in the organisation of reference to persons in conversation and their interaction.“ In Person reference in interaction. Linguistic, cultural, and social perspectives, edited by N. J. Enfield and Tanya Stivers, 23-29. Cambridge: Cambridge University Press.

Schegloff, Emanuel. 1979. „Identification and Recognition in Telephone Conversation Openings.“ In Everyday Language. Studies in Ethnomethodology, edited by George Psathas, 23-78. New York: Irvington Publishers.

Schegloff, Emanuel. 2007. „Categories in action: person-reference and membership categorisation.“ Discourse Studies 9, no. 4: 433-461.

Schlee, Günther. 2006. Wie Feindbilder entstehen. Eine Theorie religiöser und ethnischer Konflikte. München: Verlag C.H. Beck.

Schütz, Alfred und Luckmann, Thomas. 2003. Strukturen der Lebenswelt. Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft.

Sidnell, Jack. 2015. Conversation Analysis. An Introduction. Chichester: Willey Blackwell.

Stokoe, Elizabeth. 2012. „Moving forward with membership categorisation analysis: Methods for systematic analysis.“ Discourse Studies 14, no. 3: 277-303.

Stokoe, Elizabeth. 2018. ‚Talk‘. The science of conversation. London: Robinson.

Weber, Max. 1921/1972. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Муратбаева Бахыт -- докторант Университета Мартина Лютера Галле-Виттенберг. Адрес: 06108, г. Галле (Заале), Германия; e-mail: b.muratbayeva@icloud.com
<https://orcid.org/0000-0002-4601-2096>

АВТОР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР

Муратбаева Бақыт - Галле-Виттенбергтегі Мартин Лютер университетінің докторанты. Мекенжайы: 06108 Галле қ., (Заале), Германия; e-mail: b.muratbayeva@icloud.com
<https://orcid.org/0000-0002-4601-2096>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bakyt Muratbayeva -- PhD candidate at Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Address: 06108 Halle (Saale), Germany; e-mail: b.muratbayeva@icloud.com
<https://orcid.org/0000-0002-4601-2096>

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Received 31.10.2023
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted 25.12.2023